

Л. В. КРЕСТОВА

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. И. ФОНВИЗИНА

Фонвизин прославил свое имя в первую очередь как драматург. «Бригадир» и, в особенности, «Недоросль» принесли ему неувядаемую славу зачинателя русского реалистического театра.

Большое место в наследии писателя занимают также публицистические произведения как оригинальные, так и переводные. Наряду с «Баснями нравоучительными» Гольберга, «Альзирой» Вольтера, «Иосифом» Битобе, романом Террасона, повестями Бартеlemi и Арно, а также другими художественными произведениями Фонвизин перевел трактаты «Торгующее дворянство» Куайэ и «Слово похвальное Марку Аврелию» Тома. Однако круг переводов Фонвизина, касающихся публицистических произведений, не вполне уяснен, в частности не установлена принадлежность его перу статьи «Та-Гио, или великая наука, заключающая высокую китайскую философию». Рецензируя «Новое издание сочинений Фонвизина», выпущенное И. И. Глазуновым, Л. Н. Майков еще в 1866 году считал неправильным пропуск этого перевода.¹ Впоследствии в связи с указанием Л. Н. Майкова «Та-Гио» было включено в первое собрание сочинений и переводов Фонвизина в 1888 году,² но затем снова исчезло из двух дальнейших изданий 1893 года. И в настоящее время о «Та-Гио», переведенной Фонвизиним, нет упоминания в статьях и монографиях советских ученых. О ней не пишут ни Г. А. Гуковский, ни К. В. Пигарев.³ А между тем есть основания считать данный перевод трудом Фонвизина.

Как указал П. А. Ефремов, статья «Та-Гио» впервые была напечатана в сборнике «Правдолюбец, или карманная книжка мудрого», в 1801 году.⁴

¹ Л. Н. Майков. Новое издание сочинений Фонвизина. ЖМНП, 1867, ч. 133, № 2, стр. 219.

² Д. И. Фонвизин. Первое полное собрание сочинений как оригинальных, так и переводных (1761—1792), М.: 1888, стр. 768—777.

³ Г. А. Гуковский. Фонвизин. История русской литературы, т. IV, ч. 2. М.—Л., 1947, гл. II, стр. 152—205. К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954 (особенно глава IV, обзорные 70-х годов, стр. 112—150).

⁴ Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина. (Редакция изд. П. А. Ефремова). СПб., 1866, стр. 672 (в дальнейшем цитируется: Д. И. Фонвизин. Сочинения, стр. ...); Л. Н. Майков, уч. соч., стр. 220.

В крупных книгохранилищах Москвы и Ленинграда сохранилось несколько экземпляров этого сборника. В Москве один из них находится в Научной библиотеке им. А. М. Горького Московского государственного Университета (собрание Дмитревского 2198). Четыре экземпляра «Правдолюбца» имеются в Государственной публичной исторической библиотеке: один из Чертковской библиотеки (148.33), второй, находящийся в ОИК (78^{0/6}); третий — из собрания Н. П. Рогожина (385 619, Г^{1/76}) и четвертый — из собрания П. В. Шапова (309 404—91 ^{2/12}). Наконец, шестой экземпляр «Правдолюбца» сохранился в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в собрании книг К. И. Соловьева (22237-45).

В книгохранилищах Ленинграда имеется также шесть экземпляров «Правдолюбца». Три из них находятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Один — из библиотеки К. Туманова (18.111.6.62); второй «из книг Михайла Федорова» (37. 39. 10. 33) и третий — без всяких записей (37. 18. 9. 9). Два экземпляра «Правдолюбца» имеются в Библиотеке Академии наук (¹⁸⁰¹/₁₆₉ инв. — 7851 и ¹⁸⁰¹/_{169a} инв. — 7852). Кроме того, один экземпляр «Правдолюбца» есть в Библиотеке Ленинградского Государственного университета (Е 1 3013).

Все перечисленные двенадцать экземпляров «Правдолюбца» одинаковы по формату (16-я доля листа), имеют одно и то же заглавие, напечатаны в Императорской типографии в Санкт-Петербурге и выпущены в один и тот же 1801 год.

Несмотря на указанное внешнее сходство, экземпляры «Правдолюбца» различны по содержанию, что позволяет разделить их на три неоднородные группы.

Первую из этих групп составляют пять одинаковых по содержанию экземпляров «Правдолюбца»: I-A — из библиотеки Дмитревского (Научная библиотека МГУ), I-B в Исторической публичной библиотеке (ОИК), I-B там же (Чертковский), I-Г там же (Рогожинский); к этой группе относится экземпляр, некогда принадлежавший К. Туманову (в ПИБ). Назовем его I-Д.

Следует заметить при этом, что все эти экземпляры хорошей сохранности, только в Рогожинском экземпляре «Правдолюбца» (I-Г) отсутствуют стр. 27—28.

Содержание экземпляров этой группы, как обозначено в имевшемся оглавлении, следующее: 1. Каллисфен. Греческая повесть Фон-Физина. 2. Та-Гио, или великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию, перевод его же. 3. Отборные басни разных сочинителей.

Пагинация в экземплярах этой рукописи I сплошная: 1—124.

Нет сомнения, что экземпляр «Правдолюбца» именно первой группы — с указанием имени Фонвизина в оглавлении — попал в руки П. А. Ефремова.

Исследователь не предполагал, однако, что его ссылка на «Правдолюбца» не всегда подтверждается текстом: он не знал о наличии второй и третьей групп экземпляров данного сборника.

Вторая группа представлена в Москве экземплярами II-A (из библиотеки П. В. Шапова) и II-B (из библиотеки К. М. Соловьева), а в ленинградских книгохранилищах еще двумя экземплярами II-B (БАН, ¹⁸⁰¹/₁₆₉ инв 78) и II-Г (Библиотека ЛГУ).

Экземпляр II-A любопытен, между прочим, тем, что он попал к П. В. Шапову из личной библиотеки Н. И. Новикова.

Перечисленные четыре экземпляра «Правдолюбца» имеют следующее содержание: 1) Каллисфен, греческая повесть, 2) Та-Гио, или великая наука, заключающая высокую китайскую философию. Вместо же «Отборных басен» в экземплярах второй группы помещены:

«Поэма на разрушение Лиссабона соч. г. Вольтера с возражением на оную, писанным Ж. Ж. Руссо». Никакого оглавления в сборнике «Правдолюбца» этой второй группы нет; упоминание о Фонвизине, авторе «греческой повести» и переводчице «Та-Гио», не имеется

Кроме того, пагинация сборника двойная: от страницы 1-й до 64-й и затем снова от 1-й до 54-й.

Наконец, имеется и третья группа экземпляров той же книги: III-A, некогда принадлежавший Михайле Федорову (в ГПБ), III-B (там же, шифр 37.18.9.9) и, наконец III-B (БАН, $\frac{1801}{169a}$ инв. — 7852).

В экземплярах этой группы, несмотря на тождественное заглавие сборника, нет, однако, не только «Отборных басен», но удалены как «Каллисфен» Фонвизина, так и «Та-Гио». Очевидно, что экземпляры этой группы окончательно измененного «Правдолюбца» представляют жалкий остаток второй группы, так как сохранившуюся часть сборника составляют поэма Вольтера и возражения Ж. Ж. Руссо (экземпляры III-A и III-B). В начале же экземпляра III-B приплетено на двух отдельных листках большого формата «Характерное описание портрета Консула Бонопарте Мерсье, изданное в Санкт-Петербурге, напечатанное в Императорской типографии в том же 1801 году.

Итак, сборник «Правдолюбец» 1801 года имеет три различных варианта, отличающихся друг от друга как своим содержанием, количеством страниц, так деталями и оформлением.

В чем же причина подобного различия?

Первоначальное содержание «Правдолюбца», вне всякого сомнения, было таким, каким мы находим его в экземплярах, составляющих первую группу.

Это сатирический сборник, где смело звучит голос Фонвизина, «друга свободы», автора «греческой повести Каллисфен», направленной против самодержавия. Дополнением к «Каллисфену» являются также двадцать пять «Отборных басен», завершающих сборник.

Большинство из них (за исключением пяти)⁵ принадлежит И. И. Хемницеру. В баснях, напечатанных в «Правдолюбце», нарочито подобраны такие, как «Львиный указ», «Лев, учредивший совет», «Слепой лев», «Побор львиной», «Привилегия» и другие, находившиеся позднее под цензурным запретом вплоть до 70-х годов XIX века. Совокупность произведений Фонвизина и басен Хемницера придавала «Правдолюбцу» резкую политическую направленность. Ее увеличивала также басня Н. Ф. Эмина «Сильная рука владыка» (стр. 117—124).

Не следует забывать, что «Правдолюбец» вышел в свет в мрачное царствование Павла I. Весьма вероятно, что содержание этого сборника, даже пропущенного цензурой, в дальнейшем показалось недопустимым. Тогда-то, полагаем, первоначальное содержание «Правдолюбца» подвергалось изменению. «Отборные басни» с их политическими намеками были заменены философскими произведениями Вольтера и Ж.-Ж. Руссо,⁶ имя Фонвизина исчезло со страниц «Правдолюбца».

В экземплярах второго типа появились как бы две части: сначала труды Фонвизина, а затем механически прибавленные к ним произведения Вольтера и Руссо, вследствие чего в книге получилась своеобразная двойная пагинация.

⁵ Две басни Ломоносова «Старик с парнем и осел» и «Волк в пастушьем платье», стр. 70 и 88; Сумарокова «Пир у льва», стр. 75; Княжнина «Мор зверей», стр. 81 и Н. Эмина, стр. 117.

⁶ На стр. 19 «Правдолюбца» этой группы после произведения Вольтера помещена небольшая эпиграмма.

По-видимому, именно эта вторая группа экземпляров «Правдолюбца» была наиболее распространена, что и объясняет затруднения в вопросе о переводчице «Та-Гио», тем более, что из экземпляров «Правдолюбца» третьей группы исчезли и «Каллисфен» и перевод «Высокой китайской науки» с связи с дальнейшими цензурными преследованиями.

П. А. Ефремов и Л. Н. Майков полагали, что перевод Та-Гио, выполненный Фонвизинным, был напечатан только в 1801 году.⁷

В действительности же он появился первоначально без имени автора в 1779 году в журнале «Академические известия». Сопоставление текста «Та-Гио» 1779 и 1801 годов показывает их тождество.⁸ Источником перевода и в первом и во втором случаях, как нам удалось установить, является перевод «Та-Гио» с китайского на французский язык, напечатанный в книге: «Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois» (Par les missionaires de Pékin, Tome premier, Chez Nyon, A Paris, MDCCLXXVI, стр. 436—458).⁹

«Та-Гио, или высокая наука» представляет одну из многочисленных книг, излагающих учение Конфуция.

Основное содержание «Та-Гио» — изложение его этико-политических воззрений, в первую очередь его взглядов на права и обязанности монарха.

Отправным положением книги является учение о добродетели, одинаково необходимой как государю, так и его последнему подданному; склонность ко благу равняет всех. В витиеватых и пышных восточных аллегориях повторяется мысль, что «всего драгоценнее и почтеннее на свете добродетель». Отсюда вывод: добродетель есть «непоколебимое основание престола» (стр. 48).¹⁰ «Великий монарх становится примером всему государству своему изнутри своих чертогов. Добродетели тамо им возвращенные и окрест его цветущие, обращают всех взоры, и далеко возвещают должность и невинные

⁷ Д. И. Фонвизин. Сочинения, стр. 672; ЖМНП, 1867, январь, стр. 219.

⁸ См.: «Академические известия», 1779, ч. II, май, стр. 59—101. Незначительное изменение имеется в композиции статьи: заключение «Академических известий» (стр. 83—84) стало началом в «Правдолюбце» (стр. 27—28). Кроме того, в последнем сокращены примечания. Из тридцати четырех, имевшихся в «Академических известиях», осталось только восемь в «Правдолюбце». В «Правдолюбце» исправлены также отдельные грамматические формы: именительный падеж множественного числа среднего рода на ИИ заменен формами на ИЯ: «роптания», «иждивения» (стр. 50, 54), выправлены опечатки.

⁹ Перевод с китайского сделан миссионером Сибо (Cibot). См.: Henri Cordier. Bibliotheca Sinica, t. I, Paris, 1776, стр. XIII; Полностью (в 6 томах) на русском языке этот труд появился в издании Н. И. Новикова в 1786 году под заглавием: «Записки, подлежащие до истории наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев, сочиненные проповедниками веры христианской в Пекине, том I издан в Париже с воли и одобрения короля в 1776 г., на российской же язык преложен в 1785 году, губернии Московской, Клинской округи, в сельце Михаилеве». После посвящения указана фамилия переводчика Михаила Веревкина. «Та-Гио» помещено в томе втором, стр. 167—206.

¹⁰ Страницы приводятся по изданию «Правдолюбца» 1801 года.

нравы. И действительно, нельзя, чтоб не был он почтен и любим, чтоб к вельможам его не было уважения и повиновения, чтоб несчастные не имели вспоможения и облегчения, когда сыновнее почтение, братская любовь и благотворение отличает высокий дом его паче порфиры, оный украшающей» (стр. 42). Вместе с этим, читаем в «Та-Гио»: «Государь тщетно то запрещает, что сам себе позволяет; никто ему не повинуется. Надлежит, чтоб в нем те пороки отнюдь не обитали, кои он истребляет, и чтоб те добродетели, коих он взыскует, в нем были неисходны; тогда да ожидает и да уповает он всего от своих подданных» (стр. 44).

Указывая, какое значение имеет моральный облик правителя, составитель «Великой китайской премудрости» создает образ идеального государя. Последний не только строг со своими подданными, но «ставит он себя непрестанно на место своих подданных» (стр. 46). Он печется о несчастных и о нуждах сирот. «В сем разуме, — вещает Конфуций, — благотворение государя сияет столько же в являемых им строгостях, сколько в нежных свидетельствах его благодати» (стр. 52). Верность, правота и честность — опора его престола. Идеальный правитель, внимательный к нуждам подданных, не обременяет их непосильными налогами. Он неизменно стоит на страже правосудия: оно «есть обширнейшее и неисчерпаемое сокровище государств. Сие неоцененное сокровище должен государь усугубляти непрестанно: он им одним богат будет» (стр. 55). В обязанность монарха входят также и заботы о просвещении. Лишь выполнение всех изложенных обязанностей — отмечено в «Та-Гио» — дает государю право на любовь народа и тем самым оправдывает его власть «Любовь подданных дает скипетры и короны. Их ненависть исторгает оныя и преломляет» (стр. 48). Престол может заколебаться, «когда корыстолюбие государя развратит честность подданных, тогда нечестие их рассеивает сокровища, собранные его неправосудием» (стр. 49). Опасным является положение и в том случае, когда монарх «станет презирать мужа, всеми почитаемого», но сделает «любимцем своим человека, всеми ненавистного» (стр. 53).

Многочратно повторяются напоминания: «Цари! страшитесь уподобиться сему ненавистному вельможе, престол ваш падет под бременем гордыни, и развалины его гробом вашим будут» (стр. 47); «... есть ли б избрание мое, возопил Мукинг, пало на человека надменного, который бы боялся, удалял от меня, скрывал и или утеснял всех тех, коих способность, звание, ревность, служба и честность возмущали б его гордыню и раздражали б его зависть, тогда с какою б высотой ума он ни был, тогда что будет с потомками и народом и моими? всё государство мое не подвергнется ли конечному бедствию? Таковые министры рождены на разрушение и погибель государств. Мудрый токмо государь умеет отвергать их услуги, изгонять их от лица своего, очищать государство свое от их присутствия...» (стр. 51 сл.).

Книга «Та-Гио» во французском переводе могла попасть в руки Фонвизина во время его пребывания во Франции в 1777 и 1778 годах.¹¹

Интерес к Китаю наметился и в русской литературе давно. Сумароков помещает в «Трудолюбивой пчеле» «Монолог из Китайской трагедии Сирота». Русские журналы второй половины XVIII века, как указывает М. П. Алексеев, были полны известий «о торговле европейцев в Китае», характеристиками китайского купечества, описанием фарфоровых фабрик и шелковых заводов... С. П. Колосов выпускает перевод книги Роб. Додсли

¹¹ Французский перевод «Та-Гио» появился в 1776 году; следовательно, предложение П. А. Ефремова (Д. И. Фонвизин, Сочинения, стр. 672) датировать фонвизинский перевод 1770 годом ошибочно.

«Китайский мудрец, или наука жить благополучно в обществе» (изд. 1773 и 1777 года).¹²

Большой интерес представляют также переводы с китайского, печатавшиеся на страницах сатирических журналов. Крупнейший синолог А. Л. Лентьев помещает в «Трутне» 1769 года «Чензы, китайского философа совет данный государю» (1770, л. VIII), а в «Пустомеле» «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну» 1770 г. месяц июль.

П. Н. Берков правильно указывает, что «в обоих переводах с китайского было очень много такого, что наталкивало на сопоставление с русской действительностью 1769—1770 гг.». Вот, например, фраза в «Ответе Чензы», которая совершенно злободневно звучала во время толков о роспуске Комиссии 1767 года: «Если учреждения твои будут легкомысленны и, следовательно, не тверды, то ведай, что не только государство свое не исправишь, но и самого тебя исправить трудно будет» («Трутень», 1770, л. VIII). Во втором переводе примечателен эпизод со старым государем, который передает власть наследнику, а в 1770 году Екатерина II, согласно письменному обещанию, должна была уступить власть своему шестнадцатилетнему сыну и при этом формулирует основные принципы своей правительственной системы: «Не отдавайся в обман льстецам и лукавцам и не слушай развратных предложений, ведай, что от добродетельного государева жития в государстве будет мир и согласие...» («Пустомеля», 1770, июль).¹³

Выбрав для перевода книгу «Та-Гио», Фонвизин сделал это, конечно, не случайно. За год до этого (1777) он перевел «Похвальное слово Марку Аврелию» передового французского писателя Тома, который начертал возвышенный образ справедливого и мудрого правителя. Оно привлекло внимание Фонвизина, так как допускало сопоставления с русской действительностью. То же самое следует сказать и о «Та-Гио».

Проблемы государственного управления (права и обязанности монарха), вопросы законодательства и судопроизводства глубоко волновали Фонвизина. Ему был ненавистен произвол, царивший в России, поведение развратной императрицы, частая смена ее фаворитов, дерзко расхищавших государственную казну, отстранение крупных государственных деятелей, деспотическое поведение Потемкина.

Фонвизин как в своих оригинальных, так и переводных произведениях пользовался любым случаем, чтобы доказать, как та страна, где царь владеет сердцами народа и своим собственным, блаженна.

«Та-Гио, или высокая китайская наука» наталкивала читателя на желаемые переводчику выводы, содержала косвенное обличение Екатерины II, давала новый урок самодержавной правительнице, что выдает, между прочим, одна небольшая цензурная подробность.

В «Академических известиях» 1779 года перевод помещен полностью, но среди тридцати четырех примечаний опущено несколько строк в примечании двадцать втором. Примечание это следующее: «Кие и Тшу суть китайские Нероны и Калигулы. Первый изображен в Шу-Кинге и в летописях государем сладострастнейшим и роскошнейшим, не имеющим ни честности,

¹² См.: «Трудолюбивая пчела», 1759, сентябрь, стр. 570; М. П. Алексеев. Пушкин и Китай. сб. «Пушкин и Сибирь», М.—Иркутск, 1937, стр. 116; «СПб. ученые ведомости», 1777, №№ 21, 22, стр. 168 и 170 сл. Ср. также: В. И. Межов. Библиография Азии, т. I. СПб., 1891; А. Н. Неустроев. Указатель к русским современным изданиям и сборникам 1703—1802 гг.». СПб., 1898, стр. 291—292.

¹³ Сатирические журналы Н. И. Новикова, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 25—26.

ни веры, любившим великолепия забав и увеселений до безумия, горделивым в своих требованиях, гнусным в поведении, вероломным и жестоким».

Следующие за этим строки оригинала отсутствуют в переводе Фонвизина: «Государем... вероломным и жестоким, как женщина, погрязшая в разврате, нагло злоупотребляет своей властью, чтобы подавлять народы и развращать их до предела ради удовлетворения своей похоти».

Вряд ли эти строки снял сам Фонвизин, боясь их применения к Екатерине II; вероятнее, что их не пропустил цензор, тем более, что они отсутствуют и в позднейшем переводе М. И. Веревкина.

Перевод Фонвизина, изданный в 1779 году, был первым в России. Через год (в 1780 году) книга снова увидела свет: ее перевел с китайского и маньчжурского Алексей Леонтьев;¹⁴ названный выше перевод Веревкина был третьим; несмотря на это, перевод Фонвизина дословно (с сокращением примечаний) перепечатан в «Правдолюбце» в 1801 году.

Итак, Фонвизину, несомненно, принадлежит перевод «Та-Гио», который, как указывал еще Л. Н. Майков, «может послужить к разъяснению политического образа мыслей нашего автора и, стало быть, не менее замечателен, чем перевод „Похвального слова Марку Аврелию“ Тома и „Торгующего дворянства“ Куане».¹⁵

Впрочем, для полной ясности вопроса следует остановиться еще на одной детали.

В «Опыте российской библиографии» сочинение статьи «Каллисфен» и перевод «Та-Гио» приписаны не автору «Недоросля», а его брату Павлу Ивановичу Фонвизину.¹⁶ В «Правдолюбце» действительно оба эти произведения отнесены к одному и тому же лицу: г. фон-Физину, инициалы которого не указаны.

Но можно ли считать автором оригинальной повести «Каллисфен»¹⁷ и в то же время переводчиком «Та-Гио» Павла Ивановича Фонвизина?

П. И. Фонвизин (1744—1803) известен как переводчик, помещавший свои труды в журналах «Полезное увеселение», «Доброе намерение», «Собрание лучших сочинений». Ему принадлежат переводы «Нравоучительных сказок» Мармонтеля, «Силы родства» г-жи Гомиц и «Друга девиц». Все эти переводы относятся, однако, к периоду с 1760 по 1767 год, в следующие же годы П. И. Фонвизин как переводчик не выступал более в печати. Что же до оригинальных прозаических произведений, то о наличии их у П. И. Фонвизина вообще не известно.¹⁸ Как предполагает П. Н. Берков, отсутствие инициалов при упоминании фамилии в «Правдолюбце» — явное свидетельство в пользу всем известного писателя, а именно Дениса Ивановича Фонвизина. Кроме того, нет никаких оснований оспаривать принадлежность последнему повести «Каллисфен», в чем, кстати сказать, не усомнился ни один из советских исследователей и что подтверждается как рядом биографических фактов, так и стилем произведения.

¹⁴ Сы-Шу-Гей, т. е. четыре книги с толкованиями...СПб., 1780, «Та-Гио» здесь названа «Да-Хио».

¹⁵ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 220.

¹⁶ В. С. Сопиков, Опыт российской библиографии, ч. 4, СПб., 1904, № 8724.

¹⁷ Напечатана в «Ежемесячных сочинениях» (1786, ч. II, август, стр. 84—106).

¹⁸ Русский биографический словарь, том «Фабер—Цявловский» (XXI), СПб., 1901, стр. 199.

Написанию «Каллифена» предшествовал ряд смелых статей Фонвизина в «Собеседнике любителей Российского слова». В третьей части журнала за 1783 год он напечатал, вступив в полемику с самой императрицей, свои колкие «Вопросы». В «Челобитной российской Минерве» писатель обрушился на невежественных вельмож, а «Опыт российского сословника» наполнил политическими намеками. Гнев императрицы заставил Фонвизина замолкнуть, но через три года он вновь продолжил борьбу с самовластием, написав «Каллифена». «Греческая повесть» имеет русское содержание, в ней снова повторены страстные обличения, снова создана блестящая политическая сатира.¹⁹

Давая резкие характеристики самодержцу и его вельможам, автор в некоторых случаях повторял свои прежние высказывания. Так, создатель «Каллифена» смело осуждает Леонада — любимца правителя, который «умел овладеть совершенно душою монарха». Он «нагл», «им владели страсти высокомерные и алчность к обогащению». Именно о таких пороках любимца государя пишет Фонвизин в «Рассуждении о истребившейся в России всякой формы государственного правления»: «Если провидение допускает душою государя овладеть чудовищу... если он горд, нагл, коварен, алчен к обогащению».

Характеристика государева любимца, имеющаяся в «Каллифене» («Леонад не любил никого и никем любим не был, ибо тот, кто любит одного себя, не должен быть любимым от других»), повторяет суждения Д. И. Фонвизина, высказанные в «Недоросле». Стародум: Без знатных дел знатное состояние ничто. Софья: Конечно дядюшка. И такой знатный никого счастливым не делает, кроме себя одного. Стародум: Как! А разве тот счастлив, кто счастлив один? Софья: Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне непонятно, дядюшка, как можно человеку помнить одного себя».

В полном соответствии с художественной манерой Фонвизина дан в «Каллифене» также образ Скотазы, начальника обоза. Самое имя Скотазы знаменательно. В «Опыте российского сословника» Фонвизин писал: «Все то создание, которое имеет душу живую, называется животное. Следственно человек и скот под сие название подходят. Но если человек называется в добром смысле животным, то скотом иначе не именуется, как в дурном смысле, то есть, когда рассудок управляет им не больше, как скотом. Люди и скоты, составляющие род животных, имеют между собою ту разницу, что скот никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится скотом. „Человек в чести сый, не разуме; приложися скотом несмысленным и уподобися им“».²⁰

Скотаз в «Каллифене» — человек низкий и глупый до невероятности: «Верблюды, лошади, ослы составляли существо душевных его чувств». Кроме того, он действительно готов добровольно сделаться скотом.

«Хотя действие „Каллифена“, — замечал еще Н. С. Тихонравов, — происходит во времена Александра Македонского, но Скотаз на вопрос „Каллифена“ об его усердии к Леонаду отвечает: „Да для его высокопревосходительства я сам бы рад припречься“: понятно, каких придворных представляют спутники Александра».²¹ Скотаз в «Каллифене» был «из

¹⁹ Всецело присоединяюсь к мнению К. В. Пигарева, подчеркивающего политическую направленность повести «Каллифен» и полемизирующего по этому вопросу с П. Н. Берковым и Г. П. Макогоненко. См.: К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954, стр. 235.

²⁰ Фонвизин, Сочинения, стр. 198.

²¹ Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 127.

тех придворных тварей, коих поведение перед знатными весьма подло, но перед теми, коих он не боялся или в коем не искал, весьма грубо». Эта характеристика напоминает «Всеобщую придворную грамматику» Фонвизина: «Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости». Или, в «Лисице-Казнодее», — «знатному скоту льстят подлые скоты».

Повесть «Каллисфен», идейно и стилистически близкая к публицистике и драматургии Д. И. Фонвизина, несомненно принадлежит его перу.

Этому же перу принадлежит и перевод «Та-Гио», который должен быть внесен в предстоящее авторитетное издание сочинений Фонвизина как оригинальных, так и переводных.²²

²² Первое упоминание о «Та-Гио» в русской науке имело место задолго до перевода Фонвизина. В 1730 году в «Museum sinicum» акад. Зигфрида Байера было помещено начало книги «Та-Гио» по-китайски с параллельным переводом по-латыни. — *Прим. Ред.*